

Цветы дикого мака распускались в безумном, порочном цветении. В тесном, жарком слиянии тел их накрыло невиданное прежде, почти бесстыдное наслаждение, стирая из мыслей Мориса последние крохи разума.

Ему казалось, будто он превратился в легкое перышко, закружившееся в потоке теплого ветра. Оно взлетало все выше, невесомо паря в лучах ласкового весеннего солнца.

Хань Цзин тяжело, прерывисто дышал. Его тело покрывала испарина — сладкая усталость после долгой ласки. Он почувствовал, как Морис в его руках все еще тихонько вздрагивает, а его жемчужная кожа горит нежным, теплым румянцем.

Словно величайшую ценность в мире, Хань Цзин бережно прижал к себе его еще не остывшее тело и, не выпуская погруженного в полузабытье Мориса из объятий, принялся ласково обтирать его влажной тканью.

Нежные, почти невесомые прикосновения пальцев Хань Цзина скользили все ниже. Стоило им добраться до чувствительной поясницы, как Морис вновь судорожно вздохнул, и это окончательно вернуло его к реальности.

— Ты?! — выдохнул Морис.

Осознав, что лежит совершенно нагим, а теплая вода струится вслед за движениями ласковых пальцев, Морис почувствовал, как чужое, сильное тело бесстыдно прижимается к нему. Его лицо мгновенно вспыхнуло пунцовой краской — они впервые разделяли ванну без одежды.

Кстати, комната была окутана густым влажным паром, и Хань Цзин не заметил его смущения. Разве что кожа под его ладонями показалась ему излишне натянутой.

— Что-то не так? — тихо спросил Хань Цзин.

Он нежно прижался к нему со спины, утыкаясь лицом в изгиб шеи и оставляя на бледной коже череду горячих поцелуев.

Решив, что Хань Цзин жаждет продолжения, Морис повернулся к нему. Он коснулся пальцами шрама, рассекавшего бровь мужчины. В полумраке его сапфировые глаза светились бесконечной нежностью. Подавшись вперед, Морис крепко переплел свои пальцы с его ладонью и мягко прижался губами к жуткой отметине. В груди Хань Цзина все перевернулось. Он сжал руку любимого в ответ — так крепко, словно их пальцы превратились в переплетенные лозы, прорастающие в самые души.

— Для меня ты единственный... — Морис отстранился, пытаясь успокоить Хань Цзина, но в его негромком голосе сквозила глубокая, бережно скрываемая нежность.

— Твое тело уже сказала мне об этом, Морис.

Хань Цзин тихо рассмеялся и заглушил его протесты поцелуем. Скользнув руками по безупречным изгибам влажной кожи, он бережно вынес Мориса из ванной. Они вместе повалились на мягкую постель, вновь сплетаясь в объятиях.

Вся былая сдержанность Хань Цзина испарилась, уступив место властной, жадной страсти. Он забыл о приличиях и тревогах, потеряв способность мыслить. Им двигало лишь первобытное желание вновь раствориться в Морисе, упиваясь вкусом его тела и неистовым жаром их общей любви.

Морис на миг заколебался, но вскоре его дыхание сорвалось на тихий стон. Будучи гордым и непреклонным командиром, в объятиях Хань Цзина он терял всякую власть над собой. Он не мог и не хотел бежать, безвольно погружаясь в пучину страсти, которую когда-то презирал, а теперь принимал с упоением.

Он содрогался под каждым толчком, отчаянно зажимая ладонью рот из страха быть услышанным снаружи. Но эти задушенные, хриплые стоны лишь разжгли в Хань Цзине первобытного зверя. Морис выгибался в его руках, его длинные золотые волосы разметались по простыням, а пальцы, секунду назад судорожно сжимавшие плечи Хань Цзина, теперь бессильно толкали его в грудь, пытаясь спастись от этого невыносимого, всепоглощающего удовольствия.

«Как всё дошло до этого? — в смятении думал он. — Неужели я... окончательно покорился Атлантиде?»

Перед глазами Мориса все плыло, взрываясь слепящими белыми искрами. В тот самый миг, когда они вместе достигли пика, он не выдержал и, глотая слезы, испуганно прошептал:

— Мне страшно...

— Чего же ты боишься? — Хань Цзин прижал к себе дрожащего в послеверии Мориса, укрывая его в кольце рук. В его ленивом голосе прозвучала тихая, теплая усмешка.

Его гордый, неприступный генерал, вечно носивший маску ледяного величия, сейчас лежал беззащитным и испуганным. И эту слабость он являл только ему.

Сердце Хань Цзина затапливало безграничное торжество. Он бережно перебирал золотистые пряди, рассыпавшиеся по покрасневшей спине Мориса, чувствуя, как тепло разливается по его собственным венам.

Морис лишь тихонько вздрогнул и спрятал лицо в ладонях, не желая отвечать.

— Тебе понравилось, Морис? — заведомо зная ответ, негромко спросил Хань Цзин.

Морис упорно молчал. Внезапно теплая ладонь медленно двинулась вниз, оглаживая чувствительные бедра, а горячий шепот обжег покрасневшую мочку уха. Эти дразнящие, едва уловимые касания заставили его тело вновь сладко занять. Не выдержав, он выдохнул:

— Прекрати, больше нельзя!

— И все же, тебе было хорошо? — Хань Цзин тихонько рассмеялся и, приподнявшись на локте, прижался губами к его пылающему уху. — Если скажешь «нет», мне придется стараться до самого утра, пока ты точно не взмолишь о пощаде.

«Какая наглость! — сердился в душе Морис. — Неужели это и есть последствия близости? Он совсем перестал меня бояться!»

«Но почему... почему я совсем не злюсь на него?»

— Очень... — сдался наконец Морис, выдавив слова едва слышным шепотом. — Было хорошо... Правда.

Хань Цзин удовлетворенно улыбнулся и больше не стал дразнить своего неприступного командира, лишившегося всей брони. Прильнув к его спине, он обвил его рукой поперек живота, бережно согревая ладонью едва заметно округлившееся лоно.

Морис тут же напрягся. От ощущения чужой теплой ладони внизу живота в его груди всколыхнулась паника. Застыв на мгновение, он все же решился и накрыл руку Хань Цзина своей, медленно вдыхая родной, успокаивающий запах. Напряжение постепенно покинуло его тело.

Какое-то время они лежали молча, упиваясь близостью и теплом друг друга.

Морис слегка повернулся, поудобнее устраиваясь в кольце сильных рук, и тихо спросил:

— Твой шрам... Откуда он взялся? Тебе пришлось пережить много боли?

— Досталось немного, — мягко ответил Хань Цзин. — Но теперь, когда я вижу тебя живым и невредимым, любые муки кажутся пустяком. Я бы с радостью перенес все невзгоды мира, лишь бы уберечь тебя от них.

Он говорил спокойно, с мягкой полуулыбкой на губах, стараясь избавить Мориса от лишних подробностей. Кровавую бойню, устроенную ловцами русалок, он описал лишь в общих чертах, но лицо его слушателя все равно омрачилось, а сапфировые глаза подернулись ледяной

коркой.

— Мы нашли лишь обрывки гидрокостюма Кэтрин, так что сдаваться рано. Я попытаюсь подобраться к графу Сивису и разузнать подробности. Но кто бы мог подумать, что Космический корабль «Колд» окажется обычной плавучей бойней... И еще кое-что: Роджер и Лэнс тоже были там.

— Что?! Роджер и Лэнс тоже были на том корабле? Но почему я их не видел?

Романтический флер мгновенно рассеялся, и суровая реальность, подобно ледяному сквозняку, ворвалась в их уютную постель.

Морис нахмурился:

— Их признали отверженными. Их положение куда хуже твоего — с ними обращаются точно так же, как с русалками. Я видел их на проекционном экране: они лежали замороженными в криогенных ларях, бок о бок с бесчувственными телами сирен.

— Неужели они погибли?..

— Нет, во всяком случае, пока живы, — поспешил успокоить его Морис. — Я слышал от Сивиса, что Роджера и Лэнса конвоируют на планету Uīws. Там они должны предстать перед судом Руны.

— Руны?

— Это их божество. Местные верят, что весь мир Идо был создан по воле Руны...

— Да как такое возможно? Технологии этих пришельцев обогнали наше понимание на световые века! И при этом они верят в богов? В какую-то Руну, Морис?

Хань Цзин покачал головой, не веря своим ушам, но Морис ответил со всей серьезностью:

— Это чистая правда, Хань Цзин. Их слепая вера граничит с безумием. Больше того — место, где мы сейчас находимся, считается священным. Это Святилище Руны.

— Святилище?! — Хань Цзин невольно вздрогнул. Если эта Руна действительно реальна, то все, чем они только что занимались в этой постели, — чистой воды святотатство!

Морис повернулся к нему лицом, и волна его длинных золотых волос скользнула по их обнаженной коже.

— Что, неужели испугался? — Морис оперся на локоть, глядя на смутившегося мужчину, и его тонкие губы тронула редкая, дразнящая улыбка. — Не забывай, я официально признанный божественный посланник Руны. Избранный, допущенный к трону, ее глашатай в подлунном мире.

— Ну и пусть! Как у нас говорят: «Коль суждено погибнуть от руки красавицы, так хоть пред смертью сладко зацелую!» — Хань Цзин притянул Мориса к себе, доказывая свои слова делом. Его жадный, глубокий поцелуй лишил обоих дыхания. Лишь почувствовав, как тело в его объятиях вновь начинает плавиться от жара, он неохотно отстранился и с улыбкой посмотрел на хмурого Мориса.

— Больше ты не останешься у меня на ночь. Изволь спать в своих покоях, — попытался напустить на себя строгость Морис. Но затуманенный взгляд сапфировых глаз и румянец на щеках лишали его слова всякой весомости.

Обняв его за гладкую талию и бережно убрав в сторону золотистый шелк волос, Хань Цзин почувствовал под своими пальцами едва уловимую дрожь. Он крепче прижал Мориса к себе и коснулся губами его лба.

— Не волнуйся... Сегодня я тебя больше не потревожу.

— Ты... — в негромком вздохе Мориса прозвучала растерянность. И дело было вовсе не в близости, а в ладони Хань Цзина, которая снова бессознательно погладила его заметно округлившийся живот. Морис ума не мог приложить, как заговорить об этом. Он все ждал, когда возлюбленный сам спросит его, но тот, обычно такой внимательный к деталям, словно ослеп. Ни малейшего подозрения!

Мориса захлестнула глухая обида. Из-за этого человека он оказался в таком положении, и теперь должен сам во всем признаться?! Чего он не понимал, так это того, что во время их недавней поездки в Юрику у Хань Цзина уже закрадывались смутные подозрения, но тогда холодный, категоричный ответ Мориса заставил его усомниться в собственной вменяемости и выкинуть эти мысли из головы.

Ни о чем не догадываясь, Хань Цзин сейчас напряженно размышлял о судьбе Кэтрин. Он утаил от Мориса самые жуткие детали: горы отрубленных голов и залитый кровью конвейер разделочного цеха, поэтому его спутник до сих пор надеялся, что он жив. Но самого Хань Цзина от этих мыслей пробирал ледяной озноб. Он невольно сжал объятия, крепче прижимая мужчину к своей груди.

— Мне здесь чертовски холодно, Морис.

— Мы заброшены в неведомый, чужой космос. Неужели у тебя хватит духу заставить меня спать отдельно? Даже если тебе все равно, я изведусь от тревоги за тебя... — Хань Цзин нашептывал ласковые слова, но его тон оставался серьезным, выдавая глубокую, грызущую изнутри тревогу.

Прильнув щекой к его лицу, Морис незаметно накрыл ладонью свой округлившийся живот. В его глазах отразилось смятение, но нужные слова так и не сорвались с губ.

— Дело не в моем желании, а в законах Руны, — тихо заговорил Морис, переводя тему. — Посланник обязан быть чистым и преданным, посвятившим душу и тело своему богу. Взамен Руна дарует ему величайшую благодать, делая его самым почитаемым существом во всем мире Идо. — Он на мгновение замолчал, вспоминая свое посвящение: ослепительное золотое сияние и странный, едва уловимый трепет в глубине собственного тела...

— Прямо как в земное Средневековье? Эпоха религиозного мракобесия... И ты согласен стать безгрешным монахом? — Хань Цзин привлек его к себе, но в его голосе проступила явная тревога. — С твоей-то физиологией? И эта Руна действительно приняла тебя?! Я вообще сомневаюсь, что этот бог существует. Как религиозный культ может главенствовать в мире с такими продвинутыми технологиями?

— Я не знаю, реальна ли Руна, но богов в привычном понимании не существует. Если они и есть, то это лишь сверхразвитые расы, подобные Атлантиде. Когда научно-технический прогресс достигает определенного пика, для менее развитых видов ты автоматически становишься богом.

— Возможно, эта Руна тесно связана с Атлантидой, которую мы так долго пытались отыскать... Знаешь, там, в космической бездне, я видел исполинские Звёздные врата. Они настолько огромны, что через них могут беспрепятственно пройти сразу два тяжелых крейсера. Космические корабли «Колд» и «Каве» находились на огромном расстоянии друг от друга, но вошли в это бурлящее синее сияние одновременно.

Морис на мгновение задумался. Даже когда разговор затрагивал темы, заставлявшие его душу трепетать, голос командира оставался спокойным и чистым.

— Я тоже их видел. Потрясающая, колоссальная конструкция... Достаточно было бросить взгляд на край этого исполинского кольца, чтобы почувствовать себя ничтожной пылинкой, — в глазах Хань Цзина вспыхнул искренний восторг. — Действующие Звёздные врата, мгновенно перемещающие материю сквозь бездну... Какая же невообразимая энергия питает этого монстра?

— Не знаю, наш разум пока не способен постичь подобные технологии, — Морис нахмурился. Он вспомнил врата, парящие посреди фиолетовой туманности — монолитные, величественные, застывшие в пустоте без единой видимой опоры. Если не считать матового темно-синего покрытия, они были точной копией врат из Мира Аноид. И на внутреннем кольце красовались те же тридцать пять таинственных знаков. Не хватало лишь одного — символа нашей родной планеты. Земли. Ее координат просто не существовало на картах этого мира.

«Но почему?.. Почему нашей планеты нет на этих вратах?»

Морис чувствовал, как вокруг сгущается плотный туман неразрешимых загадок, и это рождало

в его душе смутное, липкое чувство тревоги.

— Как бы то ни было, сейчас нам нужно спасти Роджера и Лэнса, отыскать Кэтрин, а затем найти способ вернуться на Землю, — Морис решительно оборвал лавину тревожных мыслей, возвращаясь к насущным проблемам.

В его душе нарастала тревога. Дело было не только в чужом небе над головой и осознании того, насколько беззащитны люди перед лицом этих высших существ. Самым страшным было то, что он находился уже на четвертом месяце беременности. С каждым днем его тело будет тяжелеть, и в случае опасности он превратится в обузу.

Подобная участь для Мориса — боевого командира и лидера — была немыслима. Его охватывала тихая паника: он не желал показывать кому-либо свою уязвимость и тем более не хотел, чтобы его дитя родилось в этом холодном, чужом космосе.

Почувствовав, как Морис плотнее прижимается к нему, свернувшись калачиком, Хань Цзин погладил его успевшую остыть кожу. Решив, что любимый замерз, он потянул за край мягкого одеяла и заботливо укрыл его плечи.

— Холодно?

— Нет... — негромко отозвался Морис. Рука Хань Цзина вновь легла на его живот, но тот словно ничего не чувствовал. Ну неужели так трудно понять?!

Сердце Мориса тоскливо сжалось, уступая место глухой, горькой обиде.

Хань Цзин, погруженный в думы о неожиданном нападении и затерянных в космосе товарищах, не заметил перемены в настроении любимого.

— С этими чужаками нужно держать ухо востро... — нарушил он затянувшееся молчание, озвучив очевидную мысль.

— Знаю, — Морис нахмурился, его голос вновь приобрел стальные нотки. — Именно поэтому тебе больше нельзя оставаться у меня на ночь. Если кто-то прознает о нашей связи, последствия будут катастрофическими.

— Они и правда требуют абсолютного целомудрия?

— Даже если и нет, мне не пристало делить ложе с тобой. Кто виноват, что ты всего лишь презренный Наторс?

— Опять сердишься? Да что я такого сказал? Тебе не кажется, что ты в последнее время стал

слишком капризным? — Хань Цзин придвинулся ближе, ласкаясь к нему под одеялом и заглядывая в красивое, но такое сердитое лицо. Ему хотелось мягко погасить этот конфликт. Действительно, при всей их близости Морис в последнее время стал на удивление вспыльчивым, что совсем не вязалось с его прежним хладнокровием. Может, это и есть его истинная суть? Ведь у каждого человека есть тайная сторона души, которую являют лишь самым близким людям.

— Не наглей! — Морис насупился и, резко применив силу, ловко опрокинул Хань Цзина на спину, прижав его к постели рядом с собой.

Он действительно злился — то ли из-за ребенка, то ли из-за покровительственного тона Хань Цзина, заставившего его на мгновение почувствовать себя слабой женщиной. Морис ненавидел это чувство. Мгновенно выставив ледяную броню, он попытался скрыть внутреннее смятение, но в ту же секунду его талию крепко обхватили сильные руки. От неожиданности он едва не вскрикнул.

Хань Цзин и не думал сдаваться, со смехом прижав его к себе со спины.

<http://bllate.org/book/19677/2006446>